

Лу Синъянь вернулся к себе под утро.

Закуски, что принесла Цзян Вань, всё ещё стояли на столе внизу. Они с Цзян Цзи после своих «игр» спустились вниз и, делая вид, что всё под контролем, вяло пожевали пару кусочков.

Цзян Цзи выглядел абсолютно спокойно. Лу Синъянь же весь ужасся, будто проглотил колючую проволоку, и мысленно молился о таблетке для сердца.

«Игрушка». До боли знакомое слово.

Годы назад, когда Сун Чэн в очередной раз не выдержал и спросил Лу Синъяня: «Ты чего кругами вокруг Цзян Цзи ходишь?», тот вскинул подбородок и гордо отрезал:

— Он мой игрушечный братик. Мне нравится с ним играть.

Малолетний Сун Чэн тогда растерялся:

— Мне одному кажется, что играют тут как раз с тобой?

Лу Синъянь тогда аж взвился:

— Тебе КАЖЕТСЯ!

А началось всё с одной идиотской истории.

На тот момент Лу Синъянь и Цзян Цзи были знакомы уже больше двух лет.

Цзян Цзи учился в школе, где уроки заканчивались позже, чем у Лу Синъяня. Тот вечно цеплялся к «младшенькому» под благовидным предлогом «подожду тебя после школы» — и без зазрения совести торчал у ворот, выдумывая себе сто и один повод.

Как шпион из третьесортного сериала, Лу Синъянь даже завербовал одноклассника Цзян Цзи — чтоб тот шнырял за «старшим братцем» и шептал все пикантные подробности. Особенно про его «романтику».

— Сегодня Цзян Цзи с кем трепался? С девчонкой? Сколько слов наболтали? Больше трёх?

— Кто-то в ящик письмо сунул? Любовное?

— Серьёзно? Опять признались? Ну и чё он?

И так — день за днём.

В тот день «глаз» доложил: одна дурочка решила перехватить Цзян Цзи у ворот, затащить на мороженое и, между делом, признаться в любви.

Говорили, девочка — ничего так, приличная: симпатичная, сидит с Цзян Цзи за одной партой. Все вокруг уже наплели себе, будто они — пара из школьной манги.

Услышав это, Лу Синъянь только фыркнул: ага, нашли принца. Все на него штабелями падают.

Мир, видать, совсем ослеп. Ну ничего, Лу Синъянь возьмёт на себя эту неблагодарную миссию: раскроет бедной овечке глаза и спасёт от позора.

Он выцепил девочку у раздевалки и с самым важным видом выдал:

— Ты же Ххх, да? Короче, забудь про Цзян Цзи.

Девочка уставилась, будто призрак увидела:

— А ты вообще кто?

Лу Синъянь отмахнулся, как от надоедливой мухи:

— Не суть. Я человек хороший — чужое горе предвижу заранее. Так вот: Цзян Цзи — тот ещё экземпляр. Ради твоих нервов — держись подальше.

Девочка аж икнула:

— Ты нормальный?

Лу Синъянь понял, что спасение утопающих — дело гиблое. Хмыкнул и рявкнул напоследок:

— Ладно! Потом спасибо скажешь!

Не успел он доиграть свою трагедию — его резко дёрнули за шкурку и оттащили в сторону. За спиной раздался до зубной боли знакомый голос:

— Прости, мой братец слегка контужен жизнью. Не обращай внимания.

Цзян Цзи извинился перед девочкой взглядом, потом молча ухватил Лу Синъяня за шкурку и выволок за ворота школы, через дорогу, на тротуар. Будь Лу Синъянь хоть чуть поменьше ростом — Цзян Цзи, пожалуй, запихал бы его в ближайший мусорный бак, без лишних слов.

— Тебе уже четырнадцать, Лу Синъянь, — сказал он сухо. — А не четыре. Ещё раз устроишь такое — пеняй на себя.

Лу Синъянь даже ухом не повёл:

— Нервы сдали? Я, значит, помешал тебе предаваться нежностям?

Цзян Цзи прищурился:

— Хочешь получить?

— Попробуй только! — Лу Синъянь взвился. Чем он тогда думал — одному ему известно. Но ляпнул такое, что хоть стой, хоть смейся: — Ты что, из-за ЭТОЙ меня трогать собрался? Ты правда в неё втюрился?!

Глаза у него налились обидчивыми слезами — ещё чуть-чуть, и можно плакат лепить: «Не бейте бедного мальчика». Цзян Цзи усмехнулся:

— Отстань. И возле школы больше не крутись.

— С чего ты мне приказы раздаёшь? — огрызнулся Лу Синъянь и тут же прилип к нему сзади,

словно хвост. — А я буду ходить! Каждый день! Школа у нас что, твоя личная вотчина? Пока я тут маячил, мне, между прочим, сок принесли! Спросили: «Красавчик, ты из какого класса?»

— О.

— Что «о»? Я, между прочим, всем нравлюсь! Если захочу — за мной будут бегать больше, чем за тобой!

— О.

— «О», «о»... Цзян Цзи! Ты невозможный!

— О.

— ...Ещё раз «о»кнешь — обижусь!

Обижался он или нет — Цзян Цзи было всё равно. Да и «о»кать дальше не хотелось — слишком расточительно тратить слова на такого упрямца.

Лу Синъянь решил, что победил. Замолчал — значит, прогнулся. Всё просто.

Вечером он вытащил Сун Чэна и ещё пару друзей погонять мяч во дворе. После игры Лу Синъянь важно развалился на лавке и выдал с гордостью:

— Я, между прочим, сорвал своему братцу весь роман.

Сун Чэн завис:

— Ты вообще как это провернул?

Лу Синъянь махнул рукой, будто пустяк:

— Да что там. Захотел — сделал. Пара движений пальцем — и всё.

Сун Чэн моментально подловил:

— «Пара движений пальцем» — это ты про свои дежурства у школы? С пустым желудком, чтоб не дай бог мимо не прошёл?

«...» Лу Синъянь тут же надулся:

— Не гони. Не каждый день — так, пару раз всего.

— Пару раз? За эту неделю ты «пару раз» шесть раз к воротам приклеивался. — Сун Чэн ухмыльнулся. — Ты чего так вокруг Цзян Цзи вертишься?

Вот тогда Лу Синъянь и выдал своё коронное:

— Он — моя игрушка. Мне нравится с ним играть.

Лу Синъянь был твёрдо уверен: игрушка тут всегда — Цзян Цзи, а не он.

Если он вечно крутится вокруг Цзян Цзи — значит, рулит процессом он сам. Захотел — покрутился. Надоело — развернулся и ушёл. Что тут вообще можно обсуждать?

Сейчас та же история: вроде бы Цзян Цзи предложил ему быть «игрушкой», но если копнуть — кто кого посадил на крючок?

...Вернувшись домой, Лу Синъянь полночи ворочался, не в силах уснуть. Голова гудела фейерверками — даже во сне всё внутри вспыхивало и рассыпалось искрами.

Он нарочно не ответил сразу — решил пококетничать, пусть «старший брат» ещё помучается.

Хотя в тот момент, когда Цзян Цзи держал его за самое уязвимое, Лу Синъянь едва не сгорел дотла. Всю волю собрал в кулак, терпел до последнего — пока Цзян Цзи не вздохнул и не убрал руку. И тогда сам потянулся к нему — медленно, почти жадно — и поцеловал так, что весь воздух выгорел за одно мгновение.

Сладкий запах его шампуня ещё долго не выветривался из головы.

Лу Синъянь лежал, гонял в голове всё новые фантазии — и вдруг нарисовал свежую картинку: Цзян Цзи помогает ему... только уже не рукой, а губами.

Этими губами — мягкими, чуть припухшими, покусанными.

«...»

Рука Лу Синъяня снова дрогнула — пришлось закончить «самому» ещё раз, прежде чем он наконец уснул.

**

На майские у Цзян Цзи всего два выходных. Утром второго дня он выглядел как обычно: сидел за столом, неторопливо пил чай и ел свой простой завтрак.

На нём была светло-зелёная рубашка с открытым воротом и бежевые чиносы. Рукава закатаны до локтя — запястья белые, сухие, аккуратные.

Ни строгого пиджака, ни напускной «солидности» — скорее студент, чем «старший брат».

Когда Лу Синъянь спустился вниз, Цзян Цзи поднял голову и мельком на него глянул.

Следы вчерашней «бури» почти сошли. Рубашка расстёгнута чуть ниже ключиц — шея чистая, белая, а кадык красиво скользит вверх-вниз, когда он глотает чай.

«...» Лу Синъянь плюхнулся напротив и героически сделал вид, что не пялится.

— Сяо Янь, ты чего такой помятый? — за столом все четверо в сборе, и Цзян Вань не упустила шанс ткнуть пальцем в его вид. — Опять ночь не спал? До утра в игры резался?

— Да нет, — буркнул Лу Синъянь, уткнувшись в миску с кашей. — Просто плохо сплю последнее время.

— Ты слишком редко выходишь на улицу, — с важным видом сказала Цзян Вань. — Солнца не видишь — вот и весь мелатонин наперекосяк. В зале крутиться — это не то! — Тут же вспомнила: — Ты ведь выкладывал, что в горы собрался? Так и не сходил?

Лу Синъянь только открыл рот, но Лу Юн тут же вставил своё:

— Ты ему верь — он на своей странице ещё и не то напишет. Поверишь ему — так и мне поверь, что я давно бросил курить.

Цзян Цзи тихо хмыкнул.

— Чего ты ухмыляешься? — Лу Синъянь с лёгкой злостью стащил у него из-под палочек креветочный димсам. — Сам-то на солнце бываешь? В горы ходил?

— Со сном у меня всё в порядке. Не переживай, — спокойно отозвался Цзян Цзи и ловко перехватил ещё один димсам, прежде чем отложить палочки. — Я доел. Вы тут продолжайте.

Он встал, и Лу Синъянь тут же насторожился:

— Ты куда собрался?

— Никуда. Пойду позагораю.

«...»

Стоило Цзян Цзи выйти, Лу Синъянь закинул в себя остатки завтрака и тоже скользнул следом.

Май окончательно вступил в свои права: в саду всё почти отцвело, но воздух ещё свежий, и зелени — хоть купайся.

Цзян Цзи сидел на каменной скамье и не спеша набирал кому-то сообщение.

Лу Синъянь подошёл вплотную, наклонился и скользнул взглядом по экрану:

— С кем переписываешься?

— Ты не знаешь, — отрезал Цзян Цзи, даже не подняв глаз. — У тебя что, каникулы совсем пустые? Только спать собрался?

— Вообще-то нет. У меня сегодня свидание.

Лу Синъянь нарочно обозвал встречу с друзьями «свиданием» — так двусмысленнее звучит. Мало ли, вдруг «генерал» хоть бровью поведёт.

Ничего подобного. Цзян Цзи спокойно клацал по экрану, не отрываясь:

— Иди, иди. Хватит тутдохлым тюленем распластываться.

«...»

Ну и что это вообще такое?! Чем ему тюлень помешал?

Лу Синъянь смотрел на Цзян Цзи так, что воздух между ними мог бы вспыхнуть. А этот хоть бы что: ответил одному, другому, экран светится — настоящий светский лев. Весенний ветер дует-дует, а его хоть бы с места сдуло.

— Эй, Цзян Цзи.

— Ммм?

— Сегодня у меня... у друга день рождения.

— О.

«...»

Опять это «о»! Лу Синъянь аж закипел. Он резко перехватил лицо Цзян Цзи ладонями и заставил поднять взгляд:

— Помнишь Гу Сяобо? Двоюродный брат Сун Чэна. Ну, вспоминаешь?

У Цзян Цзи в глазах что-то шевельнулось:

— Это тот гений, который с тобой в футбол гонял, трижды мне стёкла расколотил, потом под допросом сдался и выложил, что это ты им руководил?

Лу Синъянь: «...»

Ну память у человека! Хоть бы иногда забывал такие мелочи. Лу Синъянь сглотнул неловкость.

Хотя, если смущаешься часто, то как-то привыкаешь. Зато держать Цзян Цзи за лицо — вот это уже было совсем другое. Тёплая кожа под ладонями — гладкая, как фарфор: и сжимать не хочется, и отпустить жалко.

Вообще-то руки он поднял просто, чтобы заставить «генерала» смотреть ему в глаза. Но прошло три секунды — и пальцы словно приросли.

Лу Синъянь шумно втянул воздух, чувствуя, как щеки предательски вспыхивают:

— Ты не смотри так.

Цзян Цзи спокойно:

— А как я смотрю?

Лу Синъянь: «...»

Вот именно — как?!

Что он там вообще собирался сказать? Ах да — день рождения этого оболтуса.

— У Гу Сяобо сегодня тусовка. Караоке, все свои... — Лу Синъянь наконец убрал руки, но голос всё равно чуть дрогнул. Цзян Цзи лениво кивнул:

— М-м.

Лу Синъянь выдохнул, будто проглотил горячий чай:

— У всех парочка есть. У меня — нет.

— Ну и что? — Цзян Цзи даже поднял глаза. — Без пары туда не пускают?

Но едва сказал пару слов — снова уткнулся в телефон. Лу Синъянь тут же выдрал у него мобилу и наклонился совсем близко:

— Ты пойдёшь со мной.

Цзян Цзи хмыкнул:

— Я что, твоя девушка?

— Мне всё равно! — Лу Синъянь попытался сказать это грозно, но вышло неубедительно. — Ты же его знаешь, Гу Сяобо. Для тебя это свои, никто и глазом не моргнёт. Ну пойдём, а?

Цзян Цзи молча посмотрел на него. Мятная рубашка подчёркивала бледную кожу, солнце подсвечивало ресницы — ровная тень ложилась на скулу.

Лу Синъянь завис на секунду, потом резко сменил пластинку. Вздохнул так жалобно, что самому смешно стало:

— Брат, я вчера хотел с тобой встречаться, а ты меня в «игрушки» записал. Это ж прямо ножом по сердцу!

Не дав ему вставить и слова, Лу Синъянь гнул дальше:

— Но раз я так тебя люблю... Ладно. Если ты пойдёшь со мной сегодня — я забуду про гордость и совесть и... и соглашусь на всё, что ты тогда хотел.

— Вот это ты жертву приносишь, — протянул Цзян Цзи, но кивнул. — Ладно. Уговорил.